

ПОЭЗИЯ

Илья РЕЙДЕРМАН	
Из глубины	189
Аркадий КОБЗЕНКО	
...А поэты в облака играют	200
Евгений БОРОВЛЕВ	
Живая ткань	208
Юрий ГУРМАН	
Блаженной разлуки блаженная боль... ..	212
Ирина ДЕНИСОВА	
Океан	216

Илья РЕЙДЕРМАН

Из глубины

Я не молчу. Я говорю, как рыба.
Сквозь толщу вод кричу! Напрасный труд.
Средь злости дня меня не слышат, ибо
в ином пространстве речь моя. Не тут.
Я — в глубине, среди тишины и мрака.
Хотел бы всплыть, да нет пути назад.
Раздумывай о том, что ложь, что благо,
что истина. Сам черт тебе не брат.
Без устали копи свои догадки.
Не унывай. Живи во всех веках.
И, вопрошая о миропорядке,
след истины ищи в запасниках.
Свободно размышляй о всяком существе,
копайся в запыхавшихся томах...
В зазоре между прошлым и грядущим
живи — в не наступивших временах!
Не спрашиваю, что там за погода
у вас. Идет ли дождь, а может, снег.
Не все ль равно, какое время года,
да и который год, который век?
О, быть вольноотпущенником Бога,
а не границы знающим рабом!
Так вот она, свобода? Слишком много...
И можно в направлении лобом
плыть в этом — без конца и края — море,
вопросы множа и ища ответ.
Ты очутился на таком просторе! —
беда, коль путеводных истин нет...
Поторопись, — пока на полувздохе
не замолчал, судьбу свою кляня.
Так трудно в переходной жить эпохе
(она перешагнет через меня!).
...Я не молчу. Из глубины взываю,
уже узнав отчаянья предел.

Я жадно мира будущего чаю —
а в этом жить, пожалуй, не сумел.
И шевелю, как рыба, плавниками,
и молча разеваю рыбий рот.
И слово, что накоплено веками,
внутри меня мучительно орет...

Библейские вариации

2.

К Иову голос — словно гром органа,
кроме него не слышный никому,
— в ту влажную трепещущую тьму,
в ту глубину, где лоно или рана,
в ту почву, что еще горчит от слез,
в ту тишину, в ту сердцевину боли,
в тот вопль немой: "О, Господи, доколе!"
— слова, как семена. Чтоб смысл пророс.
Растенье, раздирающее чрево...
О, то, чего не вместит естество:
слова любви, величия и гнева,
не объясняющие ничего.

— Иов, ты только капля дождевая,
что ничего не знает о дожде.
Ты плоть, в руке моей еще живая.
Ком глины — что ты знаешь о звезде?
Песчинка — что ты знаешь о пустыне?
Ты — мотылек, одним живущий днем!
Ты — горстка праха в космосе моем!
Но слышишь? — Я тебе ответил ныне.

— Вселенная, Господь, так хороша!
Но быть людьми — так дорого нам стоит...
Вовеки не утешится душа!
Ничто ее уже не успокоит.
Я — древо без листвы. Я — крик беды.

Своих птенцов утратившая птица.
Как непосильна тяжесть правоты
божественной! Но я готов смириться —
ответил Ты! Я не испепелен
и не раздавлен. В этой буре, кроме
есть я и Ты. И никого нет кроме
нас — вне земных пространств и вне времен.
Да, до последней я дошел черты,
и ныне — слышу Господа Живого!
Мучительно растет Господне Слово
во мне. Чтоб говорил не я — а Ты.

Библейские вариации

3.

Нет, не скажу тебе вослед:
всё — суета сует.
Ведь даже нашей жизни бред
— лишь тьма, в которой свет.
Но я с тобой, Экклезиаст,
твоя печаль — моя.
Ведь все мы — кто во что горазд,
о смысле бытия
задумываемся. Что спор?
Вот мысль — твоей в ответ.
...Звучит в веках неслышный хор.
Горит незримый свет.

Незыблем нашей жизни круг,
и всё, чем дорожим, уйдет?
Печально это, друг.
Вокруг чего — кружим?
Где эта световая ось,
луч истины прямой?
Всё — суета? Ты это брось.
Жар лета, снег зимой,
подруги влажный поцелуй,

ребенка светлый смех
— все суета? Все — ветродуй?
И прах — вот плод утех?
Всё — ветра дуновенье,
всё, что жизнь нам щедро даст?
Зачем кружится колесо
скажи, Экклезиаст!

Неужто так — любовь и труд,
всей нашей жизни быть
— года пожрут, века сотрут,
все превратится в пыль?
Все — жаркий ветер унесет?
Нет, не вступаю в спор,
а просто открываю рот,
входя в незримый хор.
Переплелись в нем "да" и "нет"...
О, мощный звуков пласт!
И освещает тайный свет
тебя, Экклезиаст.

* * *

"Душа твоя, — промолвил Гераклит,
всегда сухою быть должна, не влажной,
поскольку в ней все тот же огонь горит,
что и в звезде, средь черных бездн отважной.
Всё есть огонь. И из огня — ты сам
явился. И в огонь уйдешь, сгорая.
И этот Космос — грандиозный храм,
где лишь огни от края и до края..."
Как сущность мироздания горяча!
Твоей судьбы исписана страница? —
в огонь! И слово корчится, крича.
И ничего не может сохраниться.
Что этот пламень — вечное начало?
А, может, мировой пожар конца?
Как бы догадка наша ни звучала,

обречена единственность лица.
Твой взгляд, улыбку, образ мимолетный.
жизнь, выходящую из тьмы на свет, —
все жаркий пламень с яростью холодной
пожрет. И ничему спасенья нет.
Где вечное, что временное скрепит?
Я был на миг — и больше нет меня.
Что жизнь моя, ее невнятный лепет —
в переложеньи на язык огня?
Костры небес пылают неустанно.
Заложники космической игры,
мы гибнем, бессловесны, безымянны,
в огне, ничем не лучше мошкары.
Заставит страсть на миг воспламениться,
а там — обуглится в страданьи рот...
Все формы плавятся, чтоб измениться,
другими стать, исчезнуть в свой черед...
Нет, Гераклит, философ темноватый!
Скажи, огонь твой — злой или благой?
...Вот куст терновый, пламенем объятый,
сгореть не может. Сей огонь — другой!
Глазами разве зрим его? Едва ли.
Слепящий свет. О вечности в нем весть.
Услышь — тебя по имени позвали!
Ответь же поскорее, кто ты есть.

Концерт № 23 ля мажор

С. Терентьеву

Прощайся, Моцарт, с красотой.
Уходит время красоты,
как воздух Вены, молодой,
чьи букли чинно завиты,
волшебной и полухмельной,
воздушной, легкой, кружевной...
Малыш крылатый с высоты,
шалун ребячливый, Эрот

глядит на тех, кто там внизу
в свое грядущее идет,
блуждая в буднях, как в лесу.
На тот в наушниках народ,
большой не ищущий судьбы,
твоих не ведающий нот,
восторгов, горестей, мольбы...
Прощайся! Хоть безумно жаль,
что этот хмель, что этот звук
уносятся куда-то вдаль,
и время падает из рук.
Прощайся, Моцарт! Свет погас.
Я слышу зала пустоту.
Прости нам, если слышишь нас,
всей нашей музыки тщету.
Прощай, пленительность речей...
Хотя под чьей еще рукой,
с такой мелодиею (чьей?),
с печалью, с радостью такой, —
под чьей рукой, когда и где
танцует бабочка-душа?
Ни на земле... Ни на звезде...
Ах, жизнь и вправду хороша,
пока еще хватает нот
и звук не гаснет на ветру...
Прощайся, Моцарт. Век не тот.
И ты умрешь. И я умру.
Ты словно показал нам рай,
но слушать как тебя в аду?
...О, Моцарт, не спеши, играй,
я звук на память украду
и буду жить, едва дыша,
держа в руке пригоршню нот,
пока еще моя душа
твою мелодию поет.

* * *

Е. Шелестовой

Каждая мелочь, каждая малость, —
все беззащитное, все, что умрет,
все, что рассчитывать вправе на жалость,
все, что любви и внимания ждет,
чтоб в бытии мы его укрепили,
чтобы услышали горестный крик,
чтобы не мимо прошли, не забыли,
сделали значимым, крупным на миг, —
все это жизнь... Разве в мире есть меры?
Равны под солнцем гора и цветок.
Как нам мешают величья химеры!
Жаждают доверия, требуют веры —
кто незаметен, кто одинок.
Кто нас спасает? Тот, кто не мерит,
в нас бескорыстно и радостно верит,
соединяя в мгновенный узор
жизни единственной мелочь и сор.
Кто нас спасает? Тот, кто внимает,
по пустяку от восторга орет...
Кто понимает. Кто обнимает.
Кто через смерть осторожно ведет.
Мимо забвения. Вброд через Лету.
Кто, бытию бесконечному брат,
веря твоим откровеньям и бреду,
ловит для вечности слово и взгляд...

* * *

Падаю в сон — словно падают с крыши.
Наша реальность ушла из-под ног.
С каждой секундой — я к вечности ближе.
В каждой секунде — как перст одинок.

Твердая вечность... Нетрудно разбиться.
Темный кристалл, сквозь который глядим.

Видим мы чьи-то неясные лица.
Снится нам то, что в себя не вместим.

В каждой секунде — вся жизнь без остатка.
Жить бы и жить, не боясь умереть.
Нет, не страшусь я — горько и сладко!
Падаю в сон, не успев пожалеть

всё, что осталось там, за спиною,
все, к чему был прикреплен, пригвожден
этою жизнью горячей, землею...
Падаю в вечность. Падаю в сон.

Вот хоть на миг отпустила забота.
Что тяготило — утратило вес.
О, как печально! Это — свобода?
Падаю в бездну темных небес,

в мягкую темень... Словно бы птица
режет крылами небесную твердь.
Как же зовут тебя, птица, что снится?
Ласточка — жизнь? Или ласточка — смерть?

Нет, не ответит... Ныряет в пустоты.
Вынырнет, в клюве неся тишину.
Только и есть — бесконечность полета,
повесть судьбы, что рассказана сну.

* * *

Этот день, как ласточка, щебетал.
А другой — печалился и хандрил.
Музыкант на скрипочке — жизнь играл,
без конца с судьбой своей говорил.
Это я — гармонии так хочу.
Это я — мелодию свою леплю.
С каждой новой нотою — ввысь лечу.
Жалуюсь и радуюсь, и люблю.

Что на нотной полочке? Си бемоль?
Жизнью мне подаренный звук возьму.
Радость обещает он или боль —
может, на исходе дня и пойму.
Я настрою правильно каждый звук,
чтоб вместили гармонию бытия.
Выпущу мелодию свою из рук,
словно бы она уже не моя.
Но не слишком много ли громких нот —
превратиться в музыку не спешат?
Может быть, и жизнь моя — пропадет.
Тихая, задумчивая... Заглушат!
В воздухе, разорванном на куски
реактивным грохотом, ревом толп,
не услышишь музыки чужой тоски
(словно ты глухой, как из бетона столб).
Может быть, и слушает только Бог,
что включил заранее магнитофон.
Ты играй, не спрашивай, есть ли прок,
потому что главное — верный тон.
Только не сфальшивить бы, не схитрить.
Не бывает истины — без лица!
А судьбы мелодию сочинить —
все равно, что быть собой до конца.

* * *

Во мне живущий человек другой,
любимый мной! Но я — лица не вижу!
Оно скрывается во тьме такой —
не разглядеть! И голоса не слышу...
Но знаю, знаю, что ты есть во мне —
в той области, что я лучом сознания
не освещу... В той тайной глубине...
(Ей нет определенья и названья.)
Скажи, кто ты? И как ты там живешь,
в меня вращая, шевеля корнями
живую тьму?.. И на кого похож?

И как давно, скажи, расстался с нами?
Быть может, как-то явишься во снах,
чуть-чуть похожий на свои портреты?
Еще не весь ты превратился в прах:
ты — мною жив, со мною — жив, во мне ты —
жив! Ты — не тень, не память, что сильна...
Ты — жизнь, душа (без вести не пропала)!
Скажи тихонько, в чем моя вина? —
услышу я во что бы то ни стало.
Я вслушиваюсь напряженно в тишь,
и об одном прошу: скажи яснее
то, что душе неслышно говоришь,
когда меня ты судишь вместе с нею...
И кажется, что слышу я: "Живи!
Перед лицом неумолимой Леты
куда весомей, чем твои победы, —
минута недолюбленной любви..."

* * *

О чем ты говоришь, бродячая собака?
О том, что хорошо на свете божевать?
О том, как хороша весной собачья драка?
О том, что хорошо б чего-то пожевать?
Самозабвенно лай, вой от тоски и страха,
и на Луну гляди, что, как фонарь, горит.
Какой-нибудь старик, вдовец или неряха —
погладит ласково, с тобой поговорит.
Мечта твоя — поднос с горою бутербродной.
Мысль о еде — в мозгу застряла, как игла.
Прохожий не поймет собачий взгляд голодный,
поскольку ждут его дела... дела... дела...
Я тоже виноват. Хожу, дышу весною,
от радости готов вертеть хвостом, как пес.
Я — почка, что внутри полна уже листвою.
Я воздух нюхаю, вверх поднимая нос.
Я нюхаюсь в весну, чтоб не остаться с носом,
бесплодно доверяя лишь уму...

Бездонны небеса! — вот и конец вопросам.
И я, почти как пес, все главное пойму.
Не головой — хребтом, печенкой, всею плотью
пойму природы суть. (Права — пока жива!)
И благодарен я собачьему отродью
за то, что не могу в свои вместить слова.
Еще, еще полай, бродячая собака!
Собачье слово нам — порой других нужней.
Вот счастье бытия: Весна. Перо. Бумага.
Луч солнца на щеке — твоей руки нежней...

